

Епископ Матфей (Андреев)

СОЧИНЕНИЕ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО ГИЛЬДЫ ПРЕМУДРОГО «DE EXCIDIO BRITANNIAE» КАК ПРОПОВЕДЬ

В работе исследуется жанровая природа текста святого Гильды как языковой личности и исторического лица периода раннего западноевропейского Средневековья (граница V–VI вв.). Исходя из выявленных жанровых особенностей, текст интерпретируется как род проповеди, что позволяет на основании анализируемого текста характеризовать состояние церковно-ораторского искусства в пост-римской Британии. Жанровое определение текста открывает его как ценнейший источник по истории нравов, церковной риторике, гомилетики, истории Церкви, миссиологии и пр.

Ключевые слова: жанры церковно-ораторского искусства периода Средневековья, языковые и стилистические средства выразительности, библеизмы, композиционная структура, цитация.

Жанровая принадлежность сочинения св. Гильды *De Excidio Britanniae* (*О гибели Британии*) остается не вполне ясной. Однако нет сомнений в том, что перед нами текст, неразрывно связанный с традициями церковно-ораторского искусства и, прежде всего, искусства проповеди. Какова же была сама церковная риторика проповеди, и какова была её основная цель к моменту создания *De Excidio Britanniae* на рубеже V–VI веков?

Величие подвига христианских миссионеров раннего европейского Средневековья состояло в том, что им удалось божественные глаголы библейской мудрости сделать частью сознания и активного словарного запаса средневекового человека. Новые идеи дали начало формированию единого духовного пространства Западной Европы и западноевропейской цивилизации.

Мощным каналом богословской мудрости были латинский и греческий языки как средство приобщения к догматическому, экзегетическому, катехизаторскому наследию раннего христианства. Раннесредневековая церковная риторика унаследовала богатый опыт античности, что обогатило стилистику и прагматику богословских текстов, но и создала

Матфей, епископ Богородский (Геннадий Львович Андреев) — управляющий приходами Московского Патриархата в Италии, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (arch.an.ge.l@yandex.ru).

собственные каноны и традиции, пролагающие мост от духовно-нравственного наставничества к нравственному богословию.

Жанровое разнообразие, изначально присущее церковной риторике, способствовало искусству отбора и употребления языковых ресурсов в соответствии с коммуникативным заданием и разнообразием оттенков мыслей и чувств говорящего. Фундаментальный вклад церковной риторики в культурные коды европейской цивилизации очевиднее еще и в связи с тем, что богословские произведения создавались на языках Библии, когда до появления литературных национальных языков в Европе было еще очень далеко, в среднем, около десяти столетий¹. О таком влиянии свидетельствуют христианская символика, библейские образы в героическом эпосе, фольклоре, а затем — художественных кодах европейских национальных культур. Аллегория, метафора, стилистическая синонимия и антонимия — всё это активно использовалось в церковной риторике, совершенствующей языковое сознание как говорящего, так и слушающего.

De Excidio Britanniae святого преподобного Гильды Премудрого обнаруживает в себе признаки самых разных жанров, традиционно входящих в практику богословской риторики: гомилия, слово, плач, проповедь, увещание, послание. О том, что такие сложные по жанровой характеристике формы закономерно возникают в переходный период, свидетельствуют аналогичные примеры, никак прямо с текстом Гильды не связанные. Например, памятник раннего русского Средневековья «Слово о полку Игореве» также содержит в себе жанровые черты повести, слова, славы, плача и также насыщен библейскими цитатами и образами. Так, например, предвещием трагедии в «Слове» является затмение, случившееся в день пророка Иеремии, жанровое влияние плача которого также заметно в древнерусском тексте², как и тексте сочинения бриттского миссионера Гильды Премудрого³.

Античный канон в раннем Средневековье сохранил свой статус и был представлен учением о стиле (Вергилий), учением о жанрах речи

---

¹ Виноградов В. В. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 2006.

² Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. L. См. также: Дорощева Л. Г. Идея спасения в «Слове о полку Игореве» и «Капитанской дочке» А. С. Пушкина / Проблемы исторической поэтики. Вып. № 8. М.: ГРНТИ, 2008 / URL: <http://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 3.07.2014).

³ Жанровая стилистика плача, имеющая древние корни и встречающаяся в древнейшей литературе Ближнего Востока (например, «Плач об Уре»), в Ветхом Завете («Плач Иеремии»), в поэмах Гомера, в античных трагедиях.

(Гораций). Подчеркнем здесь, что знание теории жанровых особенностей и закономерностей было совершенно необходимо проповеднику на практике, так как этап изобретения речи начинался с определения жанра, в соответствии с которым выбирались идеи и их словесное выражение в Священном Писании. Между тем, существуют и принципиальные различия в иерархии функций речи в античной и церковной риторике: первая предполагала полемику с целью переубеждения противника, а вторая — формирование глубоких знаний священных текстов, которые и являлись главным и непререкаемым аргументом убеждения. Другими словами, в античной риторике победа в словесном поединке принадлежала человеку, а в церковной риторике избранного слушателя убеждал Сам Господь.

Венцом средневековой церковной риторики была гомилетика, представлявшая в сочинении и произнесении проповедей. Последовательный и аргументированный ввод тропов и фигур в тексте средневековой проповеди показывает, что богословы имели представление и о средствах словесной выразительности и умели их различать и использовать в соответствии с жанром.

Традиции церковно-ораторского искусства, доступные святому Гильде, были результатом длительного и сложного процесса, хранящего отпечаток истории Церкви. Сама возможность широко использовать искусство церковного красноречия появилась только в последиаклетиановский период, когда были отменены гонения на христиан, и проповедники смогли свободно нести слово Божие во все концы мира. В III веке христианским проповедникам оказывали покровительство императоры: Филип, Александр, Север, Галлиен, а сама церковная риторика была предметом изучения и использования в избранных кругах аристократии.

К моменту создания сочинения Гильды искусство проповеди находилось уже на высоком уровне и было представлено довольно развитой типологической группой текстов: поучение, слово, послание, проповедь⁴. Развитию церковно-ораторского искусства способствовал

---

⁴ Виды проповедей: 1) аналитико-экзегетическая беседа (беседа св. Иоанна Златоуста на псалом 125), 2) обычная проповедь (св. Василий Великий «О зависти»), 3) катехизическая проповедь (О первом члене символа веры), 4) поучение («О благе терпения» св. Киприана Карфагенского), 5) слово, 6) речь. См.: Барсов Н. И. Лекции по православной христианской гомилетике. 1888/9 уч. год. СПб. Дух. Академия, Литография. С. 251 / цитируется по: Феодосий (Бельченко), епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. М., 1999.

количественный рост храмов и паствы⁵. Вместе с тем возрастали и требования к священнику как проповеднику: знание Священного Писания, церковно-исторических книг, владение ораторскими навыками, полнота и последовательность раскрытия темы, проведение главной темы через всю проповедь и пр.

Главным требованием в проповеди является способность её составителя не только говорить, но и мыслить по-библейски. Только в этом случае использование библеизмов будет соответствовать стилю образцовой проповеди. Сложный, разнообразный подбор цитат из Священного Писания в средневековых проповедях свидетельствует о том, что просвещенными были не только проповедники, но и паства, так как уровень интеллектуальной насыщенности не мог не соответствовать начитанности и подготовленности слушающих.

Всем названным требованиям сочинение святого Гильды вполне отвечает: используются средства наглядности (сравнения, противопоставления, элементы описания), приемы обобщения (сжатость, отвлеченность). Сравнение используется и как средство речевой выразительности, и как средство логики, когда на основе сравнения делается заключение по аналогии. Подобным же образом используется и противопоставление как форма построения суждения. Сравнения в тексте Гильды часто имеют яркое свойство обличительности, например, когда он показывает греховность духовенства, противопоставляя глубину их духовного падения величию подвига святых мучеников. Использование в проповеди примера святых — жанровое свойство. Проповедь Гильды чрезвычайно богата и даже перенасыщена средствами речевой выразительности: эпитеты, тропы (метафоры, аллегория, гипербола), фигуры, т. е. стилистические средства изобразительности (олицетворение, восклицание, риторический вопрос, повтор).

Однако, прежде чем вписать сочинение святого Гильды в аутентичный ему контекст церковной риторики, прибегнем к краткому анализу композиции текста.

Опознаваемые композиционные части соответствуют средневековой традиции проповедей. С позиций современной структурной методики в композиционной форме проповеди выделяется не три, а четыре части, так как в основную часть (изложение) всегда входит эпизод с нравственным смыслом. Названные четыре части проповеди обнаруживаются

---

⁵ Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди (до IV века). СПб., 1885. С. 215.

в сочинении святого Гильды Премудрого: 1) вступление, 2) изложение, 3) эпизод (эпизоды), вносящие библейскую истину в современный витальный контекст, 4) заключение. Названные части включают в себя 110 глав, выделенных самим Гильдой: I. Вступление (Главы 1–3); II. Изложение (главы: 3–27); II.1. Эпизод 1 (обличение правителей) (главы: 27–38); II. Изложение (продолжение) (главы: 38–66); II.2. Эпизод 2 (обличение духовенства) (главы: 66–70); II. Изложение (продолжение) (главы: 70–106); III. Заключение (главы: 106–110)⁶.

Доминирующая тема задана названием — *De Excidio Britanniae*, побочные же темы — это средства её трактовки: причины гибели; персонажи, события, связанные с ответом на вопрос: почему Британия стоит на краю гибели? Классические требования античной риторики (единство формы и содержания, логическая последовательность введения новых тем, раскрывающих доминирующей тезис) выдерживаются в анализируемом сочинении.

Итак, как же вводится, развивается и определяется главная тема сочинения в выделенных композиционных частях?

Первая часть (введение), следуя канону, содержит экспозицию обсуждаемых тем и сообщает о неизбежности Апокалипсиса и грядущего Суда над грешным человечеством, чающим прощения и спасения по неиссякаемой милости Божией. В назидание бриттам святой Гильда приводит многочисленные примеры из библейской истории, напоминая о великих уроках Божественной мудрости, открываемых историей исхода евреев из Египта и скитания по пустыне. Приводятся многочисленные цитаты из Пятикнижия Моисея, книги Чисел, излагающей правила бытия, ведущие ко спасению в ожидании мессии. В прелюдии сообщается и о главной цели миссионера: «я ... собираюсь оплакивать слезными жалобами всеобщую гибель Добра и скопление Зла..., соболезнуя Родине в её несчастьях и бедствиях, намерен предложить утешительное лекарство, так как я решил возвещать об опасностях страшной войны не столько отважным воинам, сколько ленивейшим». Однако, святой, движимый евангельской любовью к ближнему, не запугивает пасомого, но дает надежду: «Господь во всяком искушении располагает средствами, чтобы помочь нам и в итоге одержать победу. Будем доверять Господу!».

---

⁶ Здесь и далее анализируемый текст дается в соответствии с переводом Н.Ю. Чехонадской: Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вступ. статья и примечания Н.Ю. Чехонадской. СПб., 2003 // krotov.info/acts/06/2/gilda_04.htm (дата обращения: 3.07.2014).

В экспозиции имеются ссылки и на другие ветхозаветные книги. Например, Плач Иеремии рисует первообраз разрушения города, символизирующего гибель народа⁷. Картина разрушения передается с метафорической картины, изображающей, как «потускнело золото... наилучшее» (т. е. «сияние Слова Божия»), а в результате «сыны Сиона» (т. е. сыны матери-Церкви) вынуждены «жаться к навозу». В первой же части проповеди миссионер открывается слушающему, сообщая, что искал в Священном Писании ответа на самый острый вопрос современной ему действительности: «Изумляясь в Ветхом Завете и этому, и многому другому, словно зеркалу нашей жизни, я обращался и к Новому, и здесь читал яснее то, что, может быть, раньше мне было непонятно; тени отступали, и истина сияла ярче»⁸.

Наиболее цитируемым текстом в сочинении Гильды, наряду с Евангелием от Матфея — первой книгой Нового Завета, является Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис (последняя книга Нового Завета). Смыслообразующим началом выступает цитация послеевангельских событий, известных по Деяниям святых Апостолов. Чаще других Гильда цитирует Послания апостола Павла, например, Послание к Римлянам. Цитата из этого источника открывает смысловое ядро главного вывода, к которому приходит Гильда: некогда дикий бриттский мир стал цивилизованным, благодаря вере Христовой, становлению которой немало способствовала Римская империя, являясь основным каналом религиозной коммуникации. Всякий отход от идеи христианской империи почитается как великое зло. Именно эту мысль освящает цитата из евангельского текста: «...и я читал, как, по выражению апостола, дикую маслину привили к корню хорошей маслины. Но, если она не боится, а превозносится, то от общения с этим корнем тучности ее следует отсесть».

Текст сочинения показывает, что Гильда был детально знаком с церковно-исторической наукой своего времени. Так, еретическое поведение Николая Антиохийца он излагает согласно «Церковной истории» Евсевия Памфила (258, или 265–339, или 340), а также Климента Александрийского (ок. 150–ок. 215)⁹. Излагая историю раннехристианских ересей,

---

⁷ В данном случае имеется в виду разрушение Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором (586 до н. э.) См.: Ветхий завет: Плач Иеремии, Экклезиаст, Песнь Песней. Перевод на русский И. М. Дьяконова, Л. Е. Когана, при участии Л. В. Маневича. М.: РГГУ, 1998.

⁸ Чехонадская Н. Ю. Гильда Премудрый. О гибели Британии...

⁹ Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 107; Климент Александрийский. Строматы / ред. Е. В. Афонасина. В 3 т. СПб., 2003. См. также: Поснов М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев, 1917. С. 190–194.

Гильда изящно пользуется приемом противопоставления: «Я знал милосердие Божие, но и суда боялся; я восхвалял благодать, но страшился воздания каждому по делам его, различая несхожих овец из одной овчарни, я по заслугам называл Петра блаженнейшим ради его *простосердечного* исповедания Христа, а Иду — несчастнейшим из-за его любви к *жадности*, Стефана — славным ради его *мученического венца*, а Николая (еретика) — жалким из-за печати его *грязных ересей*». Называется в зачине и онтологическая причина выбора человеком пути греха — забвение страха Божия. «Напротив, я видел, как возрастала беспечность людей нашего времени, если им нечего бояться». Есть и свидетельства о начитанности в области богословия. Так, например, Гильда трактует грехи, прежде всего, печаль как вид греха, согласно трудам христианского богослова, преподобного Иоанна Кассиана Римлянина (ум. 435)¹⁰.

Изложение, вторая и основная часть композиции текста, несколько раз прерывается эпизодами, образующими внутри себя относительно замкнутое смысловое пространство. Однако и прерывающие изложение эпизоды строго соответствуют общей логике текста. В главах 3–27 излагается история Британии доримского и римского периода. Величие Божиего замысла знаменует глава 3, рисующая картины благодатной природы «острова почти на крайней границе земного круга», будто некая новая святая земля, ожидающая Спасителя. Отмечаются характерные качества бриттов, которые мешают им следовать Божию Замыслу о Британии (главы 4–8): строптивость, неблагодарность, коварство, трусость. Названные качества мешали утверждению римского присутствия на острове до Рождества Христова.

До главы 27 Гильда рассказывает о христианской истории римской Британии периода правления Тиберия (14–37 гг. правления), Диоклетиана (284–305), святого равноапостольного Константина (272–337). В этой части труд Гильды является ценнейшим источником о событиях, другие свидетельства о которых затерялись во времени. Его свидетельства

---

¹⁰ Отметим здесь, что прп. Иоанн Кассиан Римлянин своей духовной родиной считал православный Восток, хотя по факту рождения и языку относится к Западу. Прп. Иоанн Лествичник писал: «... великий Кассиан рассуждал превосходно и возвышенно». К сочинениям этого святого многократно прибегали выдающиеся представители русской богословской мысли: св. Димитрий Ростовский, св. Феофан Затворник, архимандрит Феодор (Поздеевский). См. Преподобный Иоанн Кассиан / Православная энциклопедия // онлайн библиотека сайта Православие и мир, 2011–2016. См. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания / пер. с лат. [епископа Петра]. Репр. [изд. 1892 года]. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 117: «Установления», IX. 11.

Гильды о святом Альбане Веруламском, святых Аароне и Юлии позднее использовались составителями агиографических текстов.

Мир и процветание, на короткое время воцарившиеся в романизированной Британии, расцениваются как результат жизни по Божьим заповедям. Хрупкое благополучие нарушается людским безрассудством, которое ведет гордый ум к ересям (глава 12), которые расцениваются как предательство, охарактеризованное с помощью цветистых сравнений и метафор: «арианское предательство, словно жестокий змей, не заставило, излив свой заморский яд, пагубным образом разлучить братьев, живших, как одно».

Гильда, будучи убежденным сторонником имперской идеи Рима, способного объединить мир на основе общей христианской духовности и тем исполнить апостольский завет всем поколениям миссионеров, — вполне понимает противоречия, охватившие саму империю. Он, например, пишет о тиране Магне Максиме, который «оградившись не стеною, а смертельной наглостью, у города Аквилеи потерял свою злосчастную голову, которая лишила трона славных глав всего мира».¹¹ Выразительность этой фразе сообщают эвфемизм и метонимия.

Предельно эмоционально отражена языковая личность святого Гильды в главах, повествующих о набегах скоттов с запада и пиктов с севера (главы 14–19). Стремительный натиск пиратов передан текстом, язык которого предвещает романтические романы английской художественной литературы XIX века: «эти прежние волки-враги (словно какие-то амброны), взбешенные от ужасного голода, «с пересохшими глотками», *врывающиеся* в овчарню в отсутствие пастыря, *прорывают* границу, влекомые лопастями весел, руками гребцов и парусами, изогнутыми ветром, и нападают на всех, и что встречают в пути, словно созревшие хлеба, сжигают, топчут, уничтожают».

На фоне яркой негативной оценочности в описаний разбойников, пиктов и скоттов, рельефно выступают образы римлян — защитников британцев, для создания которых автор использует стилистически окрашенную лексику. «И опять посылаются жалостные посланники с разорванными, как говорится, одеждами и посыпанными песком головами, требуя от римлян помощи... И полетело, словно орлов войско на эту землю, ускоряя бег моряков в море, ... как если горный поток, вздуваясь от бурь частыми ручейками и выходя из берегов звучным движением и взбороздив

---

¹¹ Речь идет о комите Британии, который в 383 году провозгласил себя Августом. См.: Чехонадская Н. Ю. Гильда об узурпации Магна Максима // ВДИ. № 2. 2002. С. 33–42.

сзади и спереди поля, воздвигая, как говорят, волны до туч...». Столь же хвалебно воспевается помощь «государева мужа Агиция», под которым понимают римского полководца Флавия Аэция (ум. 454). Использование антиномий, антонимов позволяет убедительно и точно показать порок как причину народного бедствия: «...все, чему свойственно случаться в человеческой натуре, и главным образом — ненависть к истине и исповедникам её, и любовь ко лжи и делателям её, принятие зла за добро, подчинение подлости вместо благодати, влечение к теням вместо солнца, принятие сатаны за ангела света».

Следуя средневековому линейному восприятию исторического времени, Гильда приходит к оценке современности через аналогии в Ветхом и Новом Завете, находя, что при всей изобретательности зла есть единый источник добра и света — «Истинный Врач всех», заимствуя эту библейскую метафору из наиболее часто цитируемого в тексте Евангелия от Матфея (Мф. 9:12). Текстологический анализ Н. Ю. Чехонадской показывает, что в ключевых смысловых моментах проповеди эта метафора встречается в 70, 76, 108 главах. Собственно именно эта мысль предваряет эпизод обличения духовенства (главы 66–93) и главный вывод Заключения (главы 106–110) о том, что Путь дан, а человечество не видит его, что урок задан, но не выучен. При этом, не смотря на отдаленность момента творения рукописи проповеди, читателю передается вдохновение миссионера Гильды, собеседующего Господу в окружение глухих собратьев — пастырей и пасомых. «И не только люди века сего, но и само стадо Божие и пастыри его, которые должны бы быть примером всему народу, — большая часть их окоченели, расслабленные опьянением, словно от вина, и были уловлены упрямой спесью, волокитой судебных тяжб, завистью загребущих коготков, ...были “совращены их идолами” и блуждали “в пустыне, где нет путей”» (Пс. 106:40).

Обличая порок наблюдаемой действительности, Гильда всякий раз возвращается к Священному Писанию, ища в нем аналог и назидание. В данном случае — к событиям Исхода: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места» (Ис. 1:4; 1:5–6). Безобразная картина погрязшего в грехах бриттского мира разумно предваряет ужасы бедствий, обрушившихся на пост-римскую Британию. Яркие метафорические средства, передающие нашествие чумы, разбойничьих шаек скоттов и пиктов, сменившееся вторжением «врага, гораздо свирепее первого» — англо-саксов, приглашенных тираном Вортигерном

(IV веком), не превышают по силе эмоциональности обобщенных образов греха (главы 23–26). Для описания новых врагов — англо-саксов — проповедник использует те же приемы, что для разбойников пиктов и скоттов, подчеркивая их стремительность, вероломство, стихию. «Тогда, вырвавшись из логова варварской львицы, свора детенышей, на трех... киулах, а по-нашему — на длинных кораблях, при благоприятном ветре, обрядах и гаданиях, которыми они прорицали, надежным у них предзнаменованием, что три по сто лет Отечество, к которому они направляли носы своих кораблей, заселяет, а сто пятьдесят же (то есть половину этого времени) очень часто будут опустошать, — по приказу злополучного тирана, впустили ужасные свои когти сначала в восточную часть острова, якобы собираясь сражаться за Отечество, а на самом деле, скорее, намереваясь сражаться с ним».

Главы 23–26, предшествующие Эпизоду 1, содержат эмоциональную доминанту, гармонизирующую и уравнивающую яркую оценочность и метафоричность обличения царей, более ответственных за сложившийся миропорядок, в котором законопослушный народ — более жертва, чем виновник. Но в основной части изложения весь народ сопричастен происходящему.

Как нельзя лучше задаче этой композиционной переходной части (глава 24–26) соответствует риторическая форма восклицания. «Доселе, как бы то ни было, никогда не совершалось ничего более погибельного и горького. О, глубочайшее затемнение чувства! О, безнадежная и глубокая тупость ума! Тех, кого пуще смерти боялись, когда их не было рядом, по доброй воле, если можно так сказать, пригласили с собой под одну крышу... Тогда были ослеплены все советники вместе с надменным тираном (предположительно — Вортигерном. — *ep. M.*) и избрали такую защиту — а скорее, погибель отечества, так что эти дичайшие, нечестивого имени саксы, Богу и людям мерзкие, были введены, словно волки в овчарню, на остров для свержения северных народов». И далее (глава 24): «...все города, и отовсюду сверкающими остриями и трещащими огнями — все обители, с представителями Церкви, со священниками и народом, вместе простерты были на земле, и жалким видом посреди площадей основания башен, выкорчеванных с высокой оси, камни высоких стен, священные алтари, куски трупов... казались смешаны, словно в каком-то жутком прессе, и ничто не было вообще, кроме руин домов, погребений внутри чрев животных и пернатых и благочестивейшего почтения святых душ (если, однако, много

таковых можно было найти!), которых уносили в то время в вершины неба светлые ангелы. Ибо так выродился тогда сей виноградник добрый в горечь, что редко, согласно пророку, редко было видно за спиной виноградарей или жнецов виноградной грозди или колоска». И далее, не смея остановиться на своем авторском выводе, Гильда обращается к тексту Исхода: «Обезумели князья Цоанские, как сказано, — совет мудрых советников фараоновых стал бессмысленным» (Исх. 19:11). «Предали огню святилище Твое; совсем осквернили жилище имени Твоего!.. (Пс. 73:7) Боже! Язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой Храм Твой!» (Пс. 78:1).

Мудрость пастыря и опытность миссионера видна и в том, как композиционно точно введен в текст фрагмент об образцовом правителе — Амвросии Аврелиане, который внял «эфиру, наполненному мольбами» и как «человек законопослушный» «бросил вызов на битву победителям, от которых, по воле Божией, победа отступила» (глава 25). Победы над захватчиками Гильда объясняет определенным состоянием постримского бриттского общества, в котором благородный властитель как наследник имперской традиции действовал в согласии с «достопочтенной матерью-Церковью». Проповедник противопоставляет назидательный урок прошлого, когда правители вели жизнь «возвышенную, для всех восхитительную и Богу любезную, (они словно самые надежные колонны и подпорки, поддерживают нашу слабость в святых молитвах, чтобы она совершенно не обрушилась)».

Анализ Эпизода 1 показывает пастырскую опытность святого Гильды, который, обличая грех, никогда не искушается его смакованием и остается верным евангельскому завету любви ко Господу, благоволящему и подающему путь ко спасению всему роду человеческому. Главным методом этой части проповеди становится проведение параллелей между деяниями бриттских царей и библейских. Эта часть содержит пример использования средневековых лингвокультурных кодов: символический, животный, цветовой. На примере использования семантики «лев / львица» мы у можем убедиться, что во времена святого Гильды символический код этого образа был уже развит и включал следующие значения: I. «Львица» (ком. 142–145): 1) метафора области Думнонии; 2) мать царя-тирана Константина, в значении «львица — влиятельная светская женщина». См. Bachrach B. S. *Gildas, Vortigern and constitutionality in Sub-Roman* // *Nottingham Medieval Studies*. Vol. XXXII. 1988. P. 131; II. «Лев»: 3) хвалебный эпитет. См. библейское толкование «молодой

лев» как положительный оценочный эпитет (Дан. 7:2–8); III. 4) символ грядущего царства и правителя в видении пророка Даниила — «лев с крыльями орла» (Дан. 7:4).

Святой Гильда видит в истории Британии исполнение древних пророчеств и приближение к событиям Апокалипсиса. Сменяющиеся царства и их правители последовательно предстают в образах символических животных: 1) «лев с крыльями орла»; 2) медведь; 3) барс с четырьмя головами и четырьмя крыльями (Дан. 7:4; 7:5; 7:6)¹². Вне сомнений, образ греха как «свиньи, валяющейся в грязи» уже был частью массового языкового сознания, что и использует Гильда, обличая безумие, спесь и жадность правителей. Обычной метафорой завоевателей-агрессоров является номинация «волк», «пес».

Семантика кода животных в проповеди Гильды является рецепцией, восходящей не только к библейским текстам, но и к античной литературе. Таков, например, образ «голубки», который используется святым в обличении правителя Маглокуна: «...островной дракон, ... первый во зле, превосходящий многих могуществом и столько же — коварством, великой щедростью, изобильнейший грехом, мощный оружием, но более сильный пагубными душами ...». Характеризуя утерянную возможность спасения через покаяние и избрания монашеского жития, Гильда использует орнитологический код, противопоставляя образ святости «голубку, скрывающуюся от греха в пещере» «ворону — похитителю». Предполагается, что образ голубки, свившей гнездо в пещере, заимствован из «Энеиды».¹³

Непростые кодовые ходы использованы в характеристике правителя Кунегласа. Его святой Гильда называет «Медведем», памятуя о пророчестве святого Даниила о грядущих царствах перед событиями Апокалипсиса. Усиливая впечатление обличающей речи, Гильда риторически вопрошает правителя-прелюбодея и обманщика: «О, что валяешься в старой грязи твоего нечестия и ты, от юношеских лет — о, Медведь, наездник многих возникших колесницы — прибежища Медведя, пренебрегающий Богом и противящийся Его решениям, о, Кунеглас, а на римском языке — рыжий мясник?! Почему же в таком споре состоишь с людьми, так и с Богом?». Имя Кунеглас дает повод понять его оценочное обозначение, так как может быть переведено сочетанием «серый пес»,

¹² Четвертое символическое животное — зверь о десяти рогах — в тексте проповеди не упоминается (Дан. 7:19–27).

¹³ См.: комм. 186 в: Чехонадская Н. Ю. Гильда Премудрый. О гибели Британии...

выражающим презрение к тирану.¹⁴ Это говорящее имя дает пример использования цветового кода как средства характеристики персонажа. Высокий статус оценочного использования прилагательного *glas* определен его сложной семантикой в кельтской традиции, где оно меняет денотативное значение в зависимости от ситуации, обозначая в древневаллийском фольклоре внешние признаки: меча, меда, травы, волка.¹⁵

Паронимия, вторичная этимологизация используются в проповеди с целью создания иронического подтекста, вовлекающего в увлекательную лингвистическую игру языковую личность воспринимающих речь. Правитель Константин в тексте предстает как гиперболический образ порока: он нарушил клятву, данную у алтаря, лицедействовал и святотатствовал, переодевшись аббатом для того, чтобы убить мальчика в церкви.¹⁶ Н. Ю. Чехонадская, со ссылкой на К. Джексона, предполагает, что, осуждая поведение вероломного правителя-тирана Константина, Гильда «слышит нотку насмешки над значением его имени — «постоянный». Тот же автор, ссылаясь на других исследователей (141), предполагает, что топоним Дамнония в тексте Гильды является намеренным искажением топонима Думнония, что образует каламбур на основе осмысления латинского *damnare* (проклинать).¹⁷

В композиционном решении проповеди совершенно незаметно семантического шва между эпизодом, обличающем царей, и продолжением изложения до второго эпизода (главы 38–66), обличающего духовенство (главы 66–70). Частое обращение к пророческим текстам в эпизоде делает логичным пассаж в главе 37, завершающей эпизод: «Пусть же за нас святые пророки, уста которых теперь, как и раньше, каким-то образом, будучи орудием Бога и Духа Святого, запрещая смертным дурное, ... ответят непослушным и гордым князьям века сего».

История еврейского народа в царствование Самуила, Саула, Давида, Соломона, Иосафата, показывающая зависимость политического состояния от религиозно-нравственной жизни еврейского народа. Памятуя о том, что предыдущий эпизод опирался на цитацию из пророческих книг, очевидна композиционная логика: презрение к предостережениям

---

¹⁴ См. *O'Sullivan T.D.* The De Excidio of Gildas. Its authenticity and date. Leiden, 1978. P. 27.

¹⁵ *O'Sullivan T.D.* The De Excidio of Gildas. Its authenticity and date. Leiden, 1978. P. 27.

¹⁶ См.: *Bachrach B.S.* Gildas, Vortigern and constitutionality in Sub-Roman Britain // *Nottingham Medieval Studies*. Vol. XXXII 1988. P. 131.

¹⁷ См.: *Jackson K.* Varia II. Gildas and the Names of the British Princes // *CMCS*. Vol. 3. Summer 1982. P. 30.

пророков рассматривается в книгах Царств как причина упадка иудейского и израильского царств¹⁸.

Так же, как в повествовании об уроках истории Британии святой Гильда постоянно возвращался к библейским текстам, — в изложение библейских цитат, подтверждающих неразрывную связь между состоянием духовности и общественным благополучием, постоянно вводится тема прошлого и настоящего Британии. Так, например, изложение истории еврейских народов прерывается упоминанием о еретическом учении Пелагия, противоречащего догмату о своде воли и природе греха.

Особое значение в этой композиционной части проповеди имеют цитаты из Книги Плачей пророка Иеремии, подобно которому святой Гильда проливает слезы, предвидя неминуемую гибель Британии как следствие греховности его правителей. Помимо цитат из книги Царств, с последующим толкованием, изложение включает ссылки на Плач Иеремии, вторую книгу Паралипоменона (изложение иудейской истории в правление Давида и Соломона), а также псалмы Давида, оплакивающего свои грехи и грехи соплеменников. Многократно сравнивает Гильда события бриттской истории с архетипическими ситуациями, о которых повествуется в Исходе. Святой Гильда усердно цитирует выдержки из пророческих книг о грешной природе людей, пытающихся достичь блага, уклоняясь от праведного пути. Эту мысль бриттский миссионер находит в книгах пророков: Аввакума, Амоса, Ездры, Захарии, Иезекииля, Малахии, Михея, Осии, Самуила, Софонии. «Горе строящему город на крови и созидающему крепости неправдою!».

Строго следуя правилам античной риторики и делая их правилами церковного красноречия, проповедник Гильда обобщает сказанное в завершающем композицию часть тезисе: «... мы рассуждали с царями отечества не менее пророчествами пророков, чем нашей речью, желая, чтобы они знали, что сказал пророк: «Беги от греха, ... как от лица змея; ибо если подойдешь к нему, он ужалит тебя. Зубы его — зубы львиные, которые умерщвляют души людей». (Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова). Мысль усиливается в цитате из Нового Завета — Послания апостола Павла Филиппийцам: «Бог — свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа» (Флп. 1:8).

Переходя к *Эпизоду 2* (главы 66–70), обличающему духовенство, Гильда предупреждает, что не имеет в виду священство, верное своему

---

¹⁸ См.: Михаил (Лузин), епископ Курский и Белгородский. Исторические книги Ветхого Завета. Тула, 1899.

пастырскому долгу. В эпизоде, обличающем священников, проповедь содержит наиболее суровые оценки и горькие наблюдения. «Есть в Британии священники, но неразумные; множество священнослужителей, но бесстыдные; клирики, — но коварные хищники. Их называют пастырями, но они — готовые для убийства душ волки... Они не порицают народ за грехи, потому что творят такое сами... Они нечистыми ногами захватывают престол апостола Петра, но по заслуге жадности попадают на чумоносную кафедру Иуды предателя». Приемы риторики в обличении священства остаются теми же, что и в эпизоде 1, но степень отрицательной оценочности возрастает за счет яркой образности средств выразительности: «утробы ленивые» (метонимия), «хищнейшие, как волки» (метафорическое сравнение), «слепые вожди слепых» (эпитет и метафора) и пр.

Основная тема эпизода в продолжении изложения проповеди (70–106) становится побочной, а основной — великий урок данный ветхозаветными праведниками, великими пророками, апостолами, сонмом святых первых веков христианства. Каждый последующий пример из Священного Писания предваряется риторическим вопросом: — Кто, как Авраам...? Кто, как Авель...? Кто, как Финеес священник...?». Вдохновленный силой примеров праведности Гильда выражает желание претерпеть за веру, по примеру первых мучеников. «О, спасительные звери, — восклицает святой, — ... когда же придут они?.. Когда же им позволят наестся моей плоти?.. теперь начинаю я быть учеником Христовым». Завершается изложение уроками из пророческих ветхозаветных текстов («Послушайте, как святой пророк ... сказал бы священникам вашего склада...» и пр.), от которых Гильда, следуя принятому композиционному решению, переходит к новозаветным текстам, утверждающим основную мысль. Наиболее цитируемыми в финале изложения являются выдержки из Евангелия от Матфея, Послания апостола Павла, писания преподобного Иоанна Кассиана Римлянина.

Обличение завершается апостольским призывом: «Однако посмотрим, что истинный ученик Христов, учитель язычников, — Павел, которому, как он сам призывает, все церковные учителя должны подражать: «Будьте, — говорит он, — подражателями мне, как я Христу» (1 Кор. 11:1). «Разве не знаете, что вы — храм Божий; и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог» (1 Кор. 10:17).

Заключение (главы 106–110) вводится пассажем, прерывающим цитацию Священного Писания и вводящим тему спасения, к которому

должны вести священники свою паству. «Однако к чему нам далее болтаться на волнах в презренной лодочке нашего разума...?» В строгом соответствии с канонами церковной риторики заключение завершается славословием Господу. От имени апостола Петра говорится: «Благословен, — говорит он, — Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для вас, силою Божию через веру соблюдаемых ко спасению» (1 Пет. 2:1–3). «Итак, отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерия, и зависть, и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение, ибо вы вкусили, что благ Бог» (1 Пет. 1:3–5).

Святой Гильда в последний раз обращается к бриттам, правителям и священству с призывом «искать... единственную доску покаяния, на которой вы спасетесь к земле живых, дабы отвратился от вас гнев Господа, милосердно сказавшего: «не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33:11).

Прибавляя к сказанному свое славословие Всемогущему Господу, Гильда завершает проповедь утверждением её истинности и верности — «Аминь».

Таков обобщенный анализ композиционной структуры произведения святого Гильды, и используемых в нем приемов и средств выразительности. Проведенное исследование позволяет увидеть, что перед нами именно проповедь, в том виде как позволяла её построить церковная риторика эпохи автора *De Excidio Britanniae*.

Уровень совершенства риторического, гомилетического наследия святого Гильды Премудрого, скромно оцениваемый потомками, свидетельствует лишь о том, как высока была культура церковной риторики аутентичного автору *De Excidio Britanniae* периода. В этом смысле оговорка автора сочинения *De excidio Britanniae* о том, что он «неуч» и «не искусен в риторике», не только дань скромности и непревозношению как христианским качествам, но результат объективного сравнения образцового и частного уровней риторического мастерства. О том, что скромность святого Гильды не только этикетная формулировка, но и дань церковной традиции, будет видно из последующего анализа сочинения как средневекового жанра проповеди.

Следует отметить, что вошедшие в обычай характеристики святого Гильды как человека, не стоящего на вершине знаний научного

богословия, можно отнести к области общей оценки данного периода, когда «Церковь не была притязательна по части образованности лиц, поставляемых в духовные чины». Общей уровень образованности духовенства, не смотря на отдельные, прежде всего, восточные, школы, а также монастырские образовательные и просветительские традиции, оставался низким¹⁹. Однако это общее мнение об общем уровне образования духовенства нельзя переносить на состояние церковно-ораторской риторики и, в частности, искусство проповеди, которое, достигнув расцвета в эпоху преемников духа апостольского, Отцов и Учителей Церкви: Афанасия Великого (ок. 295–373), Василия Великого (330–379), Григория Богослова (329–389), Григория Нисского (335–394), Иоанна Златоуста (347–394), Амвросия Медиоланского (340–397) и др. — продолжало сохраняться и в средневековой пост-римской Британии.

Иоанн Златоуст, на которого так часто ссылается Гильда, считал, что «никакая жизнь, как бы ни была она высока, не есть достаточное условие для поставления в пастыри Церкви. Основательное знание догматов веры — вот что нужно со стороны пастыря, кроме высоконравственной жизни»²⁰. Также важно, что Иоанн Златоуст учил, что со знанием догматики «должно соединяться искусство красноречия у пастыря, потому что пастырь в слове, словом и через слово совершает свое служение ... священник обязан употреблять все меры к тому, чтобы приобрести силу слова». Церковно-ораторское красноречие требовало изобретения речи, чего не могло быть без постоянно усовершенствуемого навыка. Требуя постоянной работы пастыря над своим искусством речи, Иоанн Златоуст напоминал, что сам апостол Павел называл себя «невеждою» в послании к коринфянам, понимая, что нет предела совершенства в искусстве слова²¹.

Самоуничижительное определение святого Гильды во введении проповеди, помня об изобилии цитат из Иоанна Златоуста и апостола Павла, можно осмыслить и как следование традициям церковной риторики в части составления проповеди, а также как — традициям христианской этики. В части эпизода, обличающего бриттское духовенство, мы также мотивированно можем увидеть дань риторики средневековой

---

¹⁹ Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 2015. С. 214.

²⁰ Иоанн Златоуст, *свт.* Слово о священстве. Слово IV. Гл. 9 // Творения святого Иоанна Златоуста в русском переводе. СПб, 1895. Т. 1. Кн. 2. С. 452.

²¹ Там же. С. 455.

проповеди. Известно, что, начиная с IV века, историки Церкви отмечают упадок церковной жизни, сопровождавшийся падением нравственности, как в среде пастырей, так и в среде паствы. Эту ситуацию отмечает большое количество обличительных проповедей еще в IV веке, со многими из которых текст проповеди Гильды перекликается²².

Искусство проповеди в раннем Средневековье уже было так развито, что недостаточно только найти в сочинении Гильды признаки проповеди, необходимо указать и её вид: экзегетическая, катехизическая, догматическая, нравоучительная, апологетическая, миссионерская. Текст «увещеваньяца» святого Гильды показывает, что он владел всеми перечисленными разновидностями проповедей, а это, в свою очередь, показывает высокую степень адаптивности средневекового британского пастыря к меняющимся духовным запросам постримского общества. В отношении оценки состояния искусства проповеди в конце IV — начале VI веков сочинение святого Гильды дает богатейший материал.

Если рассматривать его сочинение как результат составления экзегетических проповедей, то совершенно очевидно, что выборка цитат из текстов Священного Писания сделана им в соответствии с библейским пониманием греха, о чем свидетельствуют привлеченные тексты. Святой толкует о природе греха как начале и главной причине гибели и смерти, объясняет происхождение греха, предупреждает о его последствиях и о том, что Господь милостив и человеку и зовет его к покаянию, за которым — прощение и милость Божия. Доказательством сказанному и служит приведенный выше анализ композиции текста Гильды. Проповедник, бичуя порок, называет многочисленные грехи (ложь, предательство, моральная нечистота и др.), при этом он цитирует книги пророков, книги Царств, Евангелия. Показывает неминуемость наказания за грех, в этом случае прибегая к текстам Послания к Римлянам (Рим. 6:23), но при этом он показывает, что спастись можно только с Помощью Божией, а также, что спасение грешных и есть миссия Сына Божия (Деян. 20:21).

Умение провести через достаточно большой по объему и сложный по количеству затронутых проблем текст одну истину из области библейской экзегетики можно расценить как один из (быть может, самых ранних британских) прообразов экзегетического богословия²³. Есть

---

²² См.: Святоотеческая хрестоматия / сост. прот. Николай Благоразумов. М., 2001.

²³ О необходимости изучения библейского текста как языка христианской проповеди написал, например, Уолтер Кайзер (младший). См.: *Кайзер-младший У.* На пути

и характеристики катехизической проповеди, известной еще с III века. Гильда не случайно называет своё произведение «увещеваньем»: он «дает урок христианской веры и нравственности», обращаясь к уровню понимания представителей различных социальных ниш постримского британского общества. Есть и элемент догматической проповеди. Миссионер Гильда отстаивает чистоту догматического учения Церкви, о чем свидетельствует его обличение ересей арианства, пелагианства и пр. В примерах, посвященных борьбе с еретическими учениями, видны и черты апологетической проповеди²⁴.

Однако, хотя мы и отыскиваем без труда в сочинении Гильды свойства экзегетической, катехизической, догматической, апологетической, миссионерской проповеди, но более всего во внутрижанровой классификации она соответствует проповеди нравоучительной²⁵. «Увещеванье» Гильды представляется нам бесценным источником изучения картины нравов постримской Британии, а вместе с тем, как много значила для жизни церкви нравоучительная проповедь, и как развит был этот вид проповедничества, и с каким совершенством владели им миссионеры раннего Средневековья. Это опыт пастырского влияния на средневековое общество. Гильда, подражая апостольскому служению, показывает два пути, ведущие к жизни, или смерти, разъясняет природу греха как первопричины страданий человека. С гомилиями апостольских времен речь Гильды роднит простота сердца, с которой он обращается к своему современнику.

Обличительная речь Гильды обращена к человеку с надеждой на его личность, которая как духовно-нравственный феномен и была открыта христианством. Именно к личности обращена нравственная проповедь в соответствии с положением о том, что «единственный способ объяснить личность в полной неделимости и неразрушимости ее бытийной структуры заключается в признании догматической истины о сотворенное ее

к экзегетическому богословию. Библейская экзегетика для проповедников / пер. с англ. Ю. В. Александрова, А. В. Прокопенко, А. А. Раугас. СПб., 2008.

²⁴ Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди... С. 214.

²⁵ Нравоучительные гомилии появились еще в апостольскую эпоху, когда первые христианские общины осваивали путь духовного обновления человеческой природы, следуя нравственным законам веры Христовой. Этот образ жизни, эти духовно-нравственные законы и производил воздействие на языческое окружение, вырывая из их среды новых детей Церкви, зовущих под свой покров грешника, способного раскаяться и достойного спастись. См. Ранние Отцы Церкви. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1988; *Grelot P., Dumais M. Homelies sur l'Écriture à l'époque apostolique*. Paris, 1989.

Богом из ничего. ... Как образ Божий личность не нуждается ни в каком причинно-генетическом объяснении»²⁶.

Помимо всего прочего произведение Гильды не только нравоучительная проповедь, но проповедь обличительная, в чем он следует евангелисту Матфею, свидетельствующему об обличительных речах Самого Господа нашего Иисуса Христа: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Мф. 23:27–28). Следуя традициям обличительной речи, Гильда обличает грех, не называя конкретного лица. Но в том случае, когда вина грешника стала очевидной всем и привела к общепасопасным последствиям, имена называются. Однако Гильда любит свою паству и никогда не завершает изложение тезиса обличением, но дает и примеры добродетелей, и надежду на спасение.

Таким образом, сочинение святого Гильды Премудрого *De Excidio Britanniae* — это нравоучительная обличительная проповедь-послание. Во-первых, все тезисы, характеризующие причины и ход гибели Британии основаны на Священном Писании и учении Церкви. Авторитет Гильды в области духовной оценки исторического процесса оказался значительным. Отголоски церковно-исторического мышления святого Гильды веком позже обнаружатся у его последователя — Беды Достопочтенного²⁷. Во-вторых, основная мысль проводится через весь текст проповеди-послания и это мысль о гибели Британии вследствие впадения британцев во греховный образ жизни. Тем самым смысловым ядром текста является христианское учение о грехе как первопричине катаклизма общества и государства. В-третьих, речь проповеди эмоциональна, образна и красочна, без чего не может быть воздействия на пасомых, которым добрый пастырь ищет спасения. В-четвертых, основная мысль раскрывается системно, с помощью ввода побочных тем, дополняющих и уточняющих главную тему. В-пятых, смысловые повторы, «технология повторов», свидетельствует об ориентации речи на устный вид коммуникации. В этом случае проповедь-послание является более обращением к представителю клерикального круга, нуждающегося в наставлении более совершенного проповедника, каким был святой Гильда в глазах

---

²⁶ Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. Сергиев Посад, 2006. С. 9.

²⁷ Зверева В. В. «Новое солнце на Западе». Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.

своих современников. В многочисленных вариациях одной и той же мысли: греховное падение нравов, приводящее к разрушению римской имперской системы устройства бриттского мира — мы видим повторы, каждый из которых может быть использован проповедником-миссионером в соответствии с конкретной ситуацией²⁸.

Несмотря на то, что библейская цитация в наследии Гильды детально прочитана учеными-филологами, изучение его миссионерской риторики, открывающей понимание происходящего в контексте апостольского наследия Евангельского благовестия остается актуальным и перспективным будущим богословской науки. Опыт Гильды показывает, что Священное Писание и Священное Предание всегда дают единственно правильные ответы на вызовы современного им мира. Изучение наследия святого Гильды Премудрого и опыта его осмысления в мировой научной практике уже потому актуально и практически ценно, что оно убеждает в надмирности Слова Божиего, открывающего единственный путь ко спасению, встать на который человечеству мешают сегодня, в XXI веке, все те же грехи, что и в VI столетии.

Источники и литература

Источники

1. Ветхий завет: Плач Иеремии, Экклезиаст, Песнь Песней. Перевод на русский И. М. Дьяконова, Л. Е. Когана, при участии Л. В. Маневича. М.: РГГУ, 1998.
2. *Евсевий Памфил*. Церковная история. М., 1993.
3. *Климент Александрийский*. Строматы / ред. Е. В. Афонасина. В 3 т. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2003.
4. *Иоанн Кассиан Римлянин, прп.* Писания / пер. с лат. епископа Петра. Репр. изд. 1892. Свято-Троицкая лавра, 1993.
5. *Иоанн Златоуст, свт.* Творения святого Иоанна Златоуста в русском переводе. СПб., 1895. Т. 1. Кн. 2.
6. Святоотеческая хрестоматия / сост. прот. Николай Благоразумов. М., 2001. 691 с.
7. *Чехонадская Н. Ю.* Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / пер., вступ. статья и примечания Н. Ю. Чехонадской. СПб., 2003 // krotov.info/acts/06/2/gilda_04.htm (дата обращения 3.07.2014).

---

²⁸ Об этом идет речь в следующих статьях автора, готовящихся к печати: О ситуативной (когнитивной) характеристике сочинения Гильды; Святой преподобный Гильда Премудрый как языковая личность.

Литература

8. Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди (до IV века). СПб., 1885.
9. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 2006. 594 с.
10. Дорофеева Л. Г. Идея спасения в «Слове о полку Игореве» и «Капитанской дочке» А. С. Пушкина / Проблемы исторической поэтики. Вып. № 8. М.: ГРНТИ, 2008 / URL: <http://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 3.07.2014).
11. Зверева В. В. «Новое солнце на Западе». Беда Достопочтенный и его время. СПб.: Алетейя. 2008. 284 с.
12. Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб.: «Издательство Олега Абышко». 2015. 384 с.
13. Михаил (Лузин), епископ Курский и Белгородский. Исторические книги Ветхого Завета. Тула, 1899.
14. Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. L. 435 с.
15. Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. Сергиев Посад, 2006. 210 с.
16. Поснов М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев, 1917.
17. Ранние Отцы Церкви. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1988. 432 с.
18. Феодосий (Бельченко), епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. М., 1999. 397 с.
19. Чехонадская Н. Ю. Гильда об узурпации Магна Максима // ВДИ. № 2. 2002. С. 33–42.
20. Кайзер-младший У. На пути к экзегетическому богословию. Библейская экзегетика для проповедников / пер. с англ. Ю. В. Александрова, А. В. Прокопенко, А. А. Раугас. СПб.: Христианское общество «Библия для проповедников». 2008. 287 с.
21. Grelot P., Dumais M. Homelies sur l'Écriture à l'époque apostolique. Paris, 1989. Paris, 1989. 518 p.
22. O'Sullivan T. D. The De Excidio of Gildas. Its authenticity and date. Leiden, 1978.
23. Bachrach B. S. Gildas, Vortigern and constitutionality in Sub-Roman Britain // Nottingham Medieval Studies. Vol. XXXII. 1988. P. 126–140.
24. Jackson K. Varia II. Gildas and the Names of the British Princes // CMCS. Vol. 3. Summer 1982. P. 30–40.

Matthew, Bishop of Bogorodsk. The Work De Excidio Britanniae by Gildas the Wise as a Homily.

In this work, the genre characteristics of a text attributed to St. Gildas the Wise are investigated in the context of the early Middle Ages in Western Europe (the turn of the 6th century). Given the identified genre characteristics, the text is interpreted as a type of homily, which allows the author to describe the state of ecclesiastic rhetoric in post-Roman Britain. Determining the genre characteristics of the text allows the author to use it as a valuable source for the history of morals, church rhetoric, homiletics, church history, missionary activity, and other fields.

Keywords: church rhetoric in the Middle Ages, linguistic and stylistic expressiveness, Biblical citations, compositional structure, citation.

Matthew, Bishop of Bogorodsk (Gennady L'vovich Andreyev) – head of the Moscow Patriarchate office for institutions in Italy, graduate student at the Sts. Cyril and Methodius Institute for Post-graduate Studies (arch.an.ge.l@yandex.ru).